

Юрий Лабынцев

Об одном важном спорном моменте в судьбах белорусской православной культуры XVI столетия в связи с историей Супрасльского Благовещенского монастыря

Elpis 2/2, 159-173

2000

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

ЮРИЙ ЛАБЫНЦЕВ
(Москва)

Об одном важном спорном моменте в судьбах белорусской православной культуры XVI столетия в связи с историей Супрасльского Благовещенского монастыря

Реформационные движения в среде восточных славян, их генезис, механизмы проявления и трансформации, наконец, проекции и влияния на конкретные конфессиональные сообщества и тем более группы, малоизученны [1]. Может показаться странным, но нам больше известно о деятельности весьма немногочисленных так называемых “московских еретиков” нежели о белорусском и украинском контекстах этих движений. Одна из существеннейших, если не главная, причин такого положения - очень сложная масштабная источниковая база, интерпретация даже уже известных материалов которой представляет порой неразрешимую трудность.

Именно так произошло и со знаменитым церковнославяно-белорусоязычным “Евангелием”, изданным шляхтичем Василием Тяпинским во второй половине XVI столетия. Так же как и первая литовская книга, протестантский „Катехизис” Мартинаса Мажвидаса, оно дошло до нас в двух экземплярах [2]. Причем исследователями привлекался исключительно экземпляр, происходящий из библиотеки Супрасльского Благовещенского монастыря, позднее оказавшийся в коллекции крупнейшего русского собирателя XIX в. М.П. Погодина [3], а затем в фондах Российской Национальной библиотеки в Санкт-Петербурге [4]. Все эти обстоятельства были чрезвычайно важны для

что, в частности, отразилось и в соответственных полемических сочинениях.

В ту пору Супрасль и его православные насельники во главе с настоятелем монастыря, а им был тогда архимандрит Сергей Кимбар, составляли одну из ведущих групп в православном интеллектуальном сообществе всего Великого княжества Литовского и являлись едва ли не основной частью тех подляшских православных духовных сил, которые выдвинули идею создания собственного издательства уже в середине XVI в.

Постепенно в недрах этого сообщества православных, куда “вошли” не только местные магнаты, представители черного и белого духовенства, шляхты, мещан, но и жившие далеко от Подляшья одноверцы, такие как князья Острожские, Слуцкие и многие другие, сложился своего рода литературно-эдиционный совет, разработавший и осуществивший программу Заблудовского издательства, выпустившего в 1569-1570 гг. с помощью прибывших из Москвы Ивана Федорова и Петра Тимофеева Мстиславца ряд книг, в том числе известное “Евангелие учительное”.

Примечательно, что оригиналом для печатания “Евангелия учительного” в Заблудове послужил один из ранних списков церковнославянского перевода, а более всего вероятно даже нескольких их, достаточно широко тогда бытовавших и на Подляшье. К середине XVI в. только в библиотеке Супрасльского монастыря насчитывалось несколько списков Евангелий учительных, в их числе “Евангелие учительное старое”, “Евангелие учительное новое, а другое Учительное Жабинское” [10].

Первоначальным желанием ктитора Супрасльского монастыря Григория Ходкевича и некоторых из его приближенных, в числе которых был и скончавшийся в 1565 г. о. Сергей Кимбар, было издать Евангелие учительное и вообще книги “к научению людям... закону нашего греческаго” в переводе “на простую молву”, то есть перевести с церковнославянского на хорошо понятный всем местный живой язык, “выразумления ради простых людей” [11]. Однако, “люди мудры, в том писме ученые” отсоветовали делать это, ибо “прекладами здравых пословиц на

новые помылка чинится немалая” [12]. Евангелие же учительное и без перевода на “простую молву” книга, “которая каждому не есть закрыта, и к выразумлению нетрудна и к читанию полезна, а наипаче тем, которые с прилежанием и со вниманием искомое обрести восхошут и обряшут” [13].

При анализе текста рукописной “предмовы” Василия Тяпинского, его комментария к изданному им “Евангелию”, известному лишь в списке, помещенном в супрасльском конволюте, вспоминаются слова Г. Ходкевича, с которыми он обратился за несколько лет до того к читателям заблудовского “Евангелия учительного”: “Сего ради аз, Григорей Александрович Ходкевича, видех таковое христианское научение в сей книзе, восхотех еже бы слово Божие размножилось, и научение людем закону греческаго ширилося, занеже оскуде сих книг на многообразных местех. И не пощадох от богодарованных ми сокровищь на сие дело дати” [14].

Важно знать, что рукописная “предмова” В. Тяпинского, точнее ее список появились в конволюте, составленном замечательным супрасльским книжником архидиаконом Иевстафием [15], духовным наследником о. Сергия Кимбара, который в середине XVI в. выступил с собственной программой переводов библейских текстов и, в частности, Евангелий на “простую молву” [16]. В этом он предвосхитил и опередил будущее намерение Г. Ходкевича, который хорошо знал обо всем, связанным с переводческой работой супрасльского архимандрита. Можно даже сказать, что будущая издательская программа Г. Ходкевича, а также всего подляшского православного интеллектуального сообщества, которому он покровительствовал, родилась в Супрасле в период архимандритства о. Сергия. Личность о. Сергия, его богословские и филологические искания оказали очень существенное влияние на литературную жизнь внутри монастыря и вне его. О деятельности супрасльского архимандрита было хорошо известно такому знаменитому деятелю протестантизма как Симон Будный [17]. К числу многих новаций для тогдашнего православного мира следует отнести и обращение о. Сергия Кимбара к идее исправления богослужебных книг по греческим оригиналам.

Все это стало основанием для недовольства среди сугубых традиционалистов, один из которых, “чернец Арсений”, сам кстати талантливый книжник, вел с о. Сергием многолетнюю полемику, приведшую к тому, что супрасльский архимандрит вынужден был неоднократно объясняться перед митрополитом и, в конце концов, написать своеобразный богословский трактат, отстаивающий правоту его новаторских устремлений [18]. Собственно новаторство о. Сергия имело чисто ренессансный характер, то есть было вполне закономерным в условиях тех разнообразных влияний эпохи, веяния которых касались в первую очередь Супрасльского монастыря, расположенного на крайнем западном рубеже Великого княжества Литовского. Не подлежит сомнению, что монастырская братия и прежде всего сам настоятель были очень хорошо осведомлены о деятельности протестантов, а скорее всего даже вступали с ними в открытую полемику, возможно в форме так называемых “прений о вере”. Впрочем и протестанты вольно и невольно оказывали определенное влияние на литературную культуру монастыря, что, в частности, заметно на очень многих примерах, хотя бы тамошних рукописных “Евангелиях учительных”, а отчасти и заблудовском “Евангелии учительном” 1569 г. [19].

Вместе с тем, несмотря на многое весьма новаторское, необычное, если не сказать реформаторское в деятельности о. Сергия Кимбара, сомневаться в его православности невозможно. Он и сам очень твердо заявлял об этом: “нам Руси закон святой православный выдан” [20]. Именно под этим углом зрения следует рассматривать и всю его работу по переводу библейских текстов, в частности Евангелий, а также активное общение с кружком местных духовных и светских православных интеллектуалов, на который о. Сергий имел очень значительное влияние. В числе сподвижников о. Сергия был и супрасльский архиерей Иевстафий, представлявший монастырское крыло его последователей, в то время как “благочестивый христороубец Григорий Жаба” был одним из деятельных членов светской группы [21].

При архимандрите Сергии Супрасльский монастырь пополнился многими книгами, наличие которых очень

показательно для крупного центра православной полемики, каким был тогдашний Супрасль. Имелись среди них и издания Франциска Скорины, библейские переводы которого были хорошо известны супрасльским насельникам [22].

Конволют архидиакона Иевстафия, содержащий Евангелие, напечатанное В. Тяпинским, был келейной книгой монаха. На это указывает ряд признаков [23]. Вплоть до середины XVII в. он скорее всего находился в Супрасльском монастыре и во время военных действий был взят русскими в качестве трофея, что подтверждает и судьба ряда книг, происходящих из Супрасльского монастыря [24].

Несомненно один из самых замечательных текстов этого конволюта - так называемая “предмова” В. Тяпинского к изданному им “Евангелию” [25]. Она была известна составителю конволюта в рукописи, с которой он ее переписал. Не исключено, что, имея в руках рукописные материалы В. Тяпинского, составитель в чем-то по-своему распорядился ими, возможно несколько сократив текст [26]. Несомненно, эти материалы В. Тяпинского попали в Супрасль не случайно. Конволют архидиакона Иевстафия стал их самым надежным хранилищем. Уникальность этого обстоятельства заставляет тщательнее проанализировать все известное нам о В. Тяпинском из немногочисленных свидетельств: его “предмовы” и кратких упоминаний С. Будного [27]. Бросается в глаза прежде всего то, что В. Тяпинский, также как и С. Будный, скорее всего находился в постоянном духовном поиске. Едва ли он был и таким твердым в своих убеждениях протестантом, о чем с уверенностью сообщают ныне почти все исследователи. Во всяком случае ничего антиправославного в его писаниях и поступках нет [28]. К тому же очень странно, что В. Тяпинского, если бы этот перевод был собственно протестантским начинанием, никто не поддержал со стороны богатых протестантов-одноверцев, как это было в свое время с переводами и изданиями С. Будного и его сподвижников на “русском” языке. Скорее попытка В. Тяпинского напоминает некую вполне самостоятельную издательскую новацию никак не связанного с масштабной конфессиональной пропагандой в протестантском духе. Сделанное В. Тяпинским - личный опыт, но

это уже не отдельный факт, как за полстолетия перед тем было с трудами Ф. Скорины, а скорее закономерное явление, свойственное тогдашней белорусской культурной и литературной жизни, обстоятельства которой видятся нам яснее через призму происходившего в ту пору в самом Супрасльском монастыре [29]. Более того общий тон обращения В. Тяпинского к читателям вполне может быть истолкован и как антипротестантский и антикатолический, направленный в защиту веры отцов, то есть православия. Все это никак не исключает того, что в свое время он мог вести беседы с различного толка протестантами, был лично известен С. Будному и даже принимал его со сподвижниками в своем доме [30]. Деятельность В. Тяпинского очень напоминает реформаторские устремления супрасльского архимандрита Сергия Кимбара и его последователей и потому не случайно уникальные материалы переводчика и издателя, в том числе и главнейший труд его жизни, сохранились благодаря монастырским книжникам. Кстати, вполне вероятно, что об о. Сергии С. Будный мог узнать от В. Тяпинского и они в свою очередь оказали невольное влияние на такое направление деятельности протестантов как издание книг на “русском” языке в начале 1560-х гг. [31]

Белорусская литературная жизнь XVI столетия являвшаяся в целом почти неотделимой частью общекультурного процесса народов Великого княжества Литовского, нам еще очень плохо известна, как, впрочем, и остальные части ее составляющие. Мы ориентируемся лишь на отдельные памятники и имена. Нам трудно представить более или менее полную картину происходившего в литературном мире на этих землях в то время. Кажется почти невероятным, что не только протестанты, а чуть позднее католики, но и православные, причем даже несколько ранее католиков, могли воспринять веяния западноевропейского Ренессанса. Вместе с тем, когда последовательно изучаешь оригинальные документы той эпохи, сравниваешь происходившее в тогдашней Западной Европе, Королевстве Польском, Великом княжестве Литовском, Московии, по иному относишься, например, к факту издания церковнославянской Острожской библии, предыстория идеи создания и изданий которой, кстати, непосредственно связана с Супраслем [32]. Влияние европейского

Ренессанса и реформации на православную жизнь особенно на крайних западных границах Великого княжества Литовского было значительным. Вместе с тем, это было время когда здесь, в условиях относительной толерантности как внутри различных конфессий, так и вне их, особенно со стороны государства в довольно продолжительный период ослабления позиций католицизма и православия, возможен был достаточно свободный религиозный поиск, если речь шла об отдельной личности, причем не всегда только светском лице. Поиск, включавший порой даже довольно резкие переходы из одного вероисповедного лагеря в другой, как это было, например, с С. Будным. Очень показательным в этой связи было положение шляхты, крупных магнатов и даже великий князей, членами одной семьи которых одновременно являлись представители и православных и католиков и протестантов, а еще ранее и язычников.

В этих условиях переводческая работа В. Тяпинского видится делом вполне закономерным и совсем не обязательно протестантским, особенно если к тому же учитывать предыдущий опыт православных супрасльских монахов, из сборника которых мы, собственно, и узнаем о труде издателя белорусоязычного “Евангелия”.

Очень интересен вопрос, какое место занимает “Евангелие”, изданное В. Тяпинским, и его рукописные материалы в конволюте? Какова их направленность? Здесь возможны скорее всего два ответа: или же составитель поместил его как образец неких православных литературных новаций, в чем-то напоминающих переводческую деятельность протестантов; или же он видел в нем произведение, обладающее свойством полемического характера, быть может даже несущего некие отголоски полемики с самим С. Будным и его сподвижниками. На последнее указывает в частности наличие особого “Катехизиса” составленного В. Тяпинским: “До чого абы первей, сами и их детки смысли свои неяко готовили, острили, и в вере сами зданем своим, яко довнимаю за реч исте потребную, естли не зараз, вжды з своим часом, узнают им вперед подаю” [33]. В этом случае мы имеем дело по крайней мере еще с одним личным опытом В. Тяпинского, который посчитал необходимым дать свое видение,

отличное от изложенного в “Катехизисе” С. Будного. В. Тяпинский пишет о близкой ему многовековой религиозно-культурной традиции, “зацном руском, а злаща перед тым довстипном учоном народе”, у которого с горестью отмечает “езыка своего славнаго занедбане”, когда “вжо некоторые и писмом се своим... злаща в слово Б[о]жем вступают”, а совсем не о “пропасти Римского и Греческого Вавилона”, как у С. Будного.

1. См., напр.: Hartleb K., *Zagadnienie Reformacji na ziemiach litewskich*. Lwów, 1935; Дмитриев М. В. *Православие и реформация: Реформационные движения в восточнославянских землях Речи Посполитой во второй половине XVI в.* М., 1990.
2. Подробнее см.: Лабынцев Ю. А., *Описание изданий Несвижской типографии и типографии Василия Тяпинского*. М., 1985.
3. Он был приобретен М. П., Погодиным в 1844 г. См.: Погодин М. П., *Иван Федоров, первый московский книгопечатник* // Журнал Министерства народного просвещения. 1870. Т. 148. С. 299.
4. См.: *Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1856 г.*, Спб., 1857. С. 29.
5. Недавно молодым белорусским ученым И. П. Климовым был издан весьма обстоятельный обзор литературы о В. Тяпинском и его деятельности. См.: Клімаў І. П., *Нарыс бібліяграфіі аб Васілю Цяпінскім: Гістарычны агляд* // Здабыткі: Дакументальныя помнікі на Беларусі. Мінск, 1995. С. 60-114.
6. См.: Попов А., *Обличительные списания против жидов и латинян по рукописи Императорской Публичной Библиотеки 1580 года*. М., 1879. С. XII.
7. Показательна в этой связи работа Н. Петрова, “Западнорусские полемические сочинения XVI века” (Труды Киевской духовной академии. 1894. № 2. С. 154-186; № 3. С. 343-383; № 4. С. 510-535), писавшего о заслугах “для православия со стороны Супрасльского монастыря, который имел посредствующее значение между древнерусской полемикой с латинянами и между южнорусской ученой полемикой, начавшейся с конца XVI века” (с. 535).
8. См.: Попов А. Указ. соч. С. I.
9. Подробнее см.: Labyncew J., Szczawinska Ł., *W mieście zwanym Zabłudowem*. Białyostok, 1995; Щавинская Л. Л., *Литературная культура белорусов Подляшья XV-XIX вв.* Минск, 1998.
10. См.: *Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси*. Вильна, 1870. Т. 9. С. 53-54.

“Жабинское” - в данном случае означает вкладчика рукописи. Ими были представители рода Жабиных, скорее всего Василий Константинович Жабин, подклочий Троцкий, род которого записан в Супрасльский Помянник. Помимо

списка “Учительного евангелия”, попавшего в Супрасль в первой половине XVI в., “Жабинскими” были также Евангелия на престольные, Псалтырь, “Жабинское Евангелие и 3 Апостолом и Апокалипсией”.

11. *Евангелие учительное.*, Заблудов, 1569. Л. 4.

12. *Там же.*

13. *Там же.*

14. *Там же.*

15. Собрание старопечатных книг Российской Национальной библиотеки. I.I.29. На л. 239 конволюта запись: “Сіа книга с[вя]щеноинока... іевтафія архідіакона. Списана быс[ть] в монастыри супряльском, от нароженя, с[ы]на Б[о]жіа. 1580 го[да]”.

Конволют имеет следующий состав: Л. 1-140. Житие Григория Амиритского: л. 1-12 [Сказание о св. Арефе (начало рукописи утрачено)]; л. 13-23об: Начало п[е]рв[о]го соп[р]енія архіе[п]іскоп[а], рече ко збору іуденскому; л. 23об-57об: Нач[а]ло вторія беседы ис пренія архіе[п]іскоп[а] съ ерваномъ; л. 57об-83об: Начало третія беседы, соп[р]енія, с[вя]теишему архіе[п]іскоп[у] григорію съ ерваном; л. 83об-118об: Нач[а]ло четвертія беседы с[вя]теишаго архіе[п]іскоп[а] григорія с ерваномъ; л. 118об-140: Симъ сиче реченнымъ бывшимъ от ервана... ервань гл[агол]а к нимъ; л. 140об: Пр[е]п[од]обному о[т]цу антонію вечная память. преведшему сию книгу съ греческаго языка на руский; л. 141-159: Другая книга особное мовен[и]е до жидов под короткими словы о[т] всих пророк; л. 160-181об: В лето бл[а]гочестивага ц[а]ря іоанна реченнаго прозвищом ватаки по шестомъ соборе. сіе вызнан[и]е от папы старого рыма. кир григорія; л. 181об-193: Посланіе Доминика архіе[п]іскопа Венетійскаго еже посла къ с[вя]теишему патриарху великіа Антиохіа кир петру; л. 193об-200: О поклоненію св[я]тых иконъ; л. 200об-205об: О крестопоклоненію; л. 205об-208: о церквахъ; л. 208-209об: О м[о]л[и]тве св[я]тых и их похвале; л. 209об-210об: О молебных и о исповеди и о приносах и о попех; л. 210об-211об: Что тыж многие люди преводят собе хотячи такъ причаститис, якъ и попь; л. 211об-21: О поминкох по умершихъ; л. 217-221: О десятером божіим приказан[и]ю жидомъ даного; л. 221-226: О чернечестве; л. 226-226об: О образе; л. 226об-232: О постех и о мясояденіи; л. 232-234: О семени женскомъ; л. 234-234об: О науце; л. 234об-235об: О вере и учинкахъ; л. 235об-239: сий есть приклад чернецкому житію; л. 240-242об. С кроинику полскаго о махмете; л. 243-263об: Житіе блаженнаго кирила философа; л. 264-266об: реестрь речи Преднеишых; л. 267: Катехисисъ або сума науки дечи въ Христе Иусе; л. 267об-270об: Предмова. Василии Тяпинскіи зашної монархии словенской, а злща богобоинным ласка и покой от б[о]га о[т]ца и п[а]на н[а]ш[е]го Ис[у]са Х[ри]с[т]а”.

Конволют в XVI в. был заключен в кожаный тисненный переплет, верхняя и нижняя крышки которого подклеены рукописными фрагментами того же времени. Помимо записи архидиакона Иевстафия на его л. 1-31 читается: “Сия книга глаголемая Ондreja Елизаревича Жираковского лета 7110 го[да] февраля в 9 день”, “Ондreja Феоктиста Елизаревича к чти сия книгу а отписал книгу дечем своим Ондрею и Феоктисту Елизаревичем своєю рукою лета 7171 году а честь сию книгу сыну моему Фекисту и брату Ондрею и друге не обижать... Елизарей Жираковский своєю рукою”. На л. 1 фрагмент записи XIX в.: “Из книг Ареф...”.

На обороте верхней крышки переплета наклеен листок с записью: “Рукопись 1580 года, в лист, на 270 листах (двести семидесяти листах) и печатное Евангелие Тяпинское, в лист, на 62 листах (прерывается на л. 63; л.61 недостает. Л. 1й, 62 и 63 частью сгнили). Библиотекарь Иван Бычков”. На корешке наклеен красный кожаный ярлык: “Из древлехранилища Погодина”.

16. См.: Лабынцев Ю. А., Щавинская Л. Л., *Православная Академия Ходкевичей и ее издания*. Минск, 1996. С. 26.

17. См.: *Nowy Testament*. Łosk, 1574. S. 26.

18. См.: *Письмо супрасльского архимандрита Сергия Кимбара к киевскому митрополиту Макарию II, около 1536 г.* // Архив Юго-Западной России. Киев, 1887. Ч. 1. Т. 7. С. 3-15.

19. М. В. Дмитриев пишет, что это “Евангелие учительное” “рассматривалось издателями” “как ответ реформаторам” (Указ. соч. С. 69). На самом деле в этом случае мы имеем более сложную систему зависимости корреляционного характера, не сводимую только к простой функции “средства идейной борьбы с растущими реформационными настроениями” “в руках православного духовенства” (Там же. С. 104).

20. *Письмо супрасльского архимандрита Сергия Кимбара... С. 6.*

21. Там же. С. 15.

22. См.: Лабынцев Ю. А., *Издания Франциска Скорины и других славянских первопечатников в библиотеке Супрасльского монастыря* // Белорусский просветитель Франциск Скорина и начало книгопечатания в Белоруссии и Литве. М., 1979. С. 184.

23. Прежде всего то, что книга эта не попала в реестры библиотеки Супрасльского монастыря.

24. Подробнее см.: Щавинская Л. Л., *Литературная культура белорусов Подляшья...*

25. Вот этот текст: “Предмова. Василеи Тяпинскіи зацной монархии словенской, а злаща богобоиным ласка и покой от б[о]га о[т]ца и п[а]на н[а]ш[е]го Ис[у]са Х[ри]с[т]а.

Рад покажу мою веру, которую маю, а злаща народу своему рускому, тые ее онымъ давним векомъ славною, предков своих умеетностью, покорне яко довнимаю потверждать, а естли ест в чом блудна оны то поправят. Вед же держу же не иначей одно зъ ев[ан]г[е]лїи от бога через Хр[и]ста пана и его апостолов поданое, которая ест сума закону б[о]жего, которая зъ словенского абы имъ, теж и их власным езыхом рускимъ в друку вышла, и о тое маючи пана на помочи, несмысленым або красомовным выводом, незалецаными а ни часу угажающими словы, але яко с приязливыи, простый, а ширій, правдиве, верне, а отвористе, зъ зычливости ку моеи очизне, поневажъ которымъ бы то власнеи учинити пристоело - митрополитове вл[а]д[ы]ки ини хто з учоных, через так многіи час не хотели. Зъ убогое своее маетности народу моему услугую, на которой теж при ней и на именечку хотяж то было не великое, вжо дле накладу, а злаща книг стариг давних, на розныхъ и не близких месца доставаючи, над то еше в минулые лета тяжкіе дороги дле друку и потребъ тому належачих подымаючи, а праве все до того зачинаючи знову, ач вельмим стол ведже предсе и должачисе, и бы ми теж, иже то не влох не немец або не доктор, и ни якій постановеный межы попы,

але з чого бы мели пана з выкриканемъ фалити и радоватсе [л.268], же зъ их з посредку русинь их имъ своен руси услугуючи, бы ми мовлю яко то призвоито бываеъ и такою невдячностью взгардою, а некоторые вмести помочи або дяки, и зазростью платити хотели, не одно ми тое все для моее повинности и ку ним зычливости не естъ прикро, але и овшем за ласкою п[а]на б[о]га вдячно стареючися их збавенное, а на остатокъ учытивое и зацное, хутнупреимство с[е]рдца моего им показоват, и то ку фале б[о]жией кончить. Вжо бо а еще хотяж то не без болшое трудности пришло, ижъ двема езыкы, зараз и словенским и при нем тут жо рускимъ, а то наболшии словенскимъ, а злеща слово от слова, такъ яко они все везде во всех своих ц[е]рквах чтут и мают, не одно для лепшого их вери, же се не новое што, але их же властное, им подает, але теж и для лепшого им разсудку надто и для их самихъ цвиченья, в том не леда учоном езыку словенскомъ ев[ан]г[е]лия писаня с[вя]т[о]го Матфея и с[вя]т[о]го Марка и початокъ Луки, естъ в тои убогой моеи друкарни от мене имъ выдруковано.

До чого абы перvei сами и их детки смысли свои неяко готовали, острили и в вере процвичали, тым часомъ тот катехисис, а которii сами зданемъ своим, яко довнимаю за реч исте потребную, естли не зараз, вжды з своим часомъ узнают имъ впередъ подаю. Ова их охотными и хутливыми ку можнейшим наукам в слове своем, ку статочному розсудку и ку умеетности пан учинит и възбудит.

А то не без великое се потреби чинит, тая бо тепер [л.268об] mezi ними яко устала, яко загнула. Обачиване речеи жалосных квалтом слова до усть гонит.

Бо а хто б[о]гобоинный не задержит на такую казнь б[о]жioю гледечи, хто бы не мусил плакати, видечи так великих княжат, таких панов значных, такъ много деток невинных, мужов з жонами, в таком зацномъ руском, а злеща перед тымъ довстипном учоном народе, езыка своего славнаго занедбане, а просто възгарду, с которе за покаранемъ панским оная ясная их в слове б[о]жемъ м[у]дрость, а которая им была праве яко врожоная, гды от них отишла, на ее местве натыхместв такая оплаканая неумеетность пришла, же вжо некоторые и писмом се своим, а злеща в слове б[о]жемъ встыдают. А на остаток што может быти жалоснейшая, што шкарадша, иж и тые што се меж иними зовут д[у]ховными, и учителя, смеле мовлю, намней его невмеют, намней его вырозуменя не знают, а ни се в нем цвичаю, але и а ни школы ку науце его нигде не мают, за чим в полскie, або в иные писма за такую неволею немало и у себе идети, не без встыду своего, бы се одно почули немалого заправуют. Тут бых я имъ их же хоть одного, з мнозства личбы оных словян, иоанна або григория которых дле великое, не толко в своем, але теж и в розных езыкахъ, науки и для вдячное их вымовы, аж золотустыми звали, бы были живы, рад их взялъ себе за причинцу до них в том, а на остаток за светка, им тое речи, естлибъ бо тепер были заисте зумет бы се мусели, видечи яко окраса и оздоба народу ихъ, в потом[л.269]стве их отнята, а просто загнула, которим ояк же бы потреба се старем, оулитоване самих над собою. Гды бо бы не рекучи в часы давние посмотрели, яко то был зацный, славный, острый, довстипный народ их в умеетности и ако многокрот посторонние учоные народы их м[у]дрость мусели похвалят и овшем се от нихъ учит, але бы хот самое писмо свое тетра ев[ан]г[е]лия и апостола словенского, которое могу мовит перед тисеч[е]ю лет от некоторого з словян выложено, а которое не одно въ их, але и по всех ц[е]рквах сербских, московских, волоских, булгарских,

харв[а]цких, инных, чтут уважали. И с тех, хто бы хотел а умель тот выклад чести, обачил бы иж целеваль, а снат и за собою оставил, тот муж наш милый словенин, латынских і иных толмачов, яко властие слова з греческого выкладывал, иж трудно зрууметь, чи болшь греческїи або словенскїи языкъ умел. И бы не было болшь, тогды и от тул досыт знакъ немалыи маем, акъ пред тым словяне, которым а што может быт прироженшого одно не рус, был люд довстипный, а естли бы пакъ еще се короткости не фолктовало, а злаща бы были в читанью писмъ своих о них бе гл[а]сишими, то есть жебы се неплонно им приводило.

Бы были мовлю што се там пишет паметниками о их довстипе и острости, якїе оны синоды з папоу римским и зъ инными памети годные мевали, яко мнозства людей к вере з блудов выдвигали и яко в розмаитых языках учоными были, к тому яко живот светобливый вели яко теж mezi собою злых и фалшивых в вере братов знашали, лечили, направляли, яко зас учителей своих, водле науки слова божего, [л.269об] светолубивым малженством от инных отделили и их тым оздабеных всим народом и верам и понине ку прикладу праве яко свечу, чистостю малженства святачю были показали, было бы што заieste широче о них выпосовать. Але толко один явный, ясный, а вечное памяти годный приклад их припомню, а которїи и без писма всим ведомый, значный, а праве видомый есть, яко они для так великое светобливости своее мимо инных, таким чо инным даромъ были от п[а]на оздобены, же не рекучи мимо папу римског[o], але и мимо оных часов наученших народов в либии, в антиохїи, в пентаполи, сыщыли, в месопотамїи, в палестыне, в финицыи, и инде, яко то и на око бы се усмотреши могло, и у нам недалеких влохов, немцов, поляков, французов, ганкликов, гишпанов, а коротко мовечи над всех на свете хр[и]стиянских народов в слове б[o]жьемъ прозревши, сами одни толко того были доказали, же подлуг науки ап[о]с[то]льское своим влосным языком, от так давного часу слово боже выложили и мели, и нам оставили. В чом иные вси народы их прикладом ледве се аж за тых наших веков обачили и до того, и то не без малого забуреня и ображеня пришли, же слово б[o]же з латынских и инных писмъ своим теж языком прироженным перекладати и читати почали. Але дал бы то пан, иж бы вы каждый от себе, о зацные панове, которїе есте тои речи якобы о[т]цами по таких фалбных предках своих позостали и на мезьца их вступили, поневаж в том або жадное помочи люцкое дле греху нет, або толко вы сами тому з м[и]л[о]сти ку о[т]чизне вашей помочи бысти могли, гдычи простота ч[о]л[о]в[е]ка бедного посполитого на вас очи завжды удавала и удает, и за вами идет. В тую потребу отчизны [л.270] вашею простоту грубую про недостаток науки брати вашею прикладом своим милосерным, если есть што милости братерское у вас, гдычи mezi всими люцкостями ничего не ест[ь] такъ власного, а злаща богобоиному ч[е]л[о]в[е]ку яко уливане, которим указуемъ по себе некое подобенство добротливости б[o]жее, а наконецъ дле заплаты себе от пана вечное, тому народу вашому неумеетнстью заведенному и утрапенному, допомагаючи, митрополита вашого, владыкы и учителей ваших до того прозбами вашими вели, жебы не подкупов, не посулов дле поседаня столицъ один перед другим, не до животеи і привилеев один над другого обварованейших, але слова б[o]жего саме се учили и других з мастности и іменеи о[т] ваших предков имъ не на марнотрацтва, не на строи и

што такого, але дле науць наданых. Ова бы ку науце, леч не такой яко тепер на вечным свои встыд, толко прочести и то ледво в своем языке, не больш учатсе, школы заложити и науку слова б[о]жего от так много лет занедбаную выдвигнути братьи вашои хотели и усиловали. Которих я неодному которому, але всим и з тою потребою отчизны ваше, богопоино и пилности, растропности и верности поручаю и заставую, просечи пана, а бых был готов, если она до конца згинет, з нею згинут, абе если и через ваш ретунокъ будет выдвигнена з вами и з нею выбринуть.

А тут вжо конечь речи моеи чиню, которую замыкаючи, и то в жалости моеи мовлю, если на тот час за н[а]шю невдячность м[и]л[о]с[е]рдья бы б[о]жего не было, тую казнь от нас отдалити, злаща тепер на око видим, иж везде вси речи злыми розсудками такъ сут пол[л.270об]псованы, иж не может быть ничего такъ добре поведено, на штобы потвар не могла быть учинена, а ни теж жадинь от того, чого се разхватит, оступит не хочет, абы се не здал в чом поблудим. Еще теж иж посполите бывает, же живого ч[е]л[ове]ка в дарехъ, а злаща своего, або себе знаемого, люди скромне и без образы зность не могут, про то абых и при правдивои повести зостал злого мниманя ушоль, не мовлю всих, але таких ни усиленно прозбою, ни плонным забеганемъ, а ни лагодными і прибавляючими доводы спирати хочю, але учинивши повинности своеи досыт, мусим до маестату б[о]жего отозватсе, перед которим вси стати мусимъ. А в том ничего не вонтпим, же оныи справедливыи судя реч н[а]шю пофалит, хотя ее так неприятели взгаршають и выкидають. А тепер побожного читолника дле Х[ри]с[т]а просим, естли мнимает в нас быть што выступного, або з стороны науки, або з стороны нас, абы того не приписовал н[а]шой злости, але люцкой кривности, а неумеежности, ажи бы дле Х[ри]с[т]а отпустил. А естлиж тая реч е[с]ть не мала, в которой нам вину дает, нехай нас не соромит, але нас нехай в том хр[и]стиянске напоминает, бо естосмы готови из юаном кр[е]стителем здробнети, абы п[а]нъ Х[ри]с[т]о[с] росъ. На остаток всих побожных дле Х[ри]с[т]а просимъ, абы жадное васни не мели против тым, которіе нас щипанемъ, очижанемъ преследуют, або иж бы изъ іяковом, або юаном не жадали спущеня огня з неба дле забореня господы и месца у них слову б[о]жему и овшем водле науки х[ри]с[т]о[в]ое, нехай им всего добра зычат, а з нами нехай за них б[о]га просят, абы се упамятали а збавени были, и иж бы сами себе не зазрели так великое ласки б[о]жее, зъ их же имь достоинствою и зацностью зачинаючое. Аминь”.

26. Такое предположение подтверждается целым рядом наблюдений, в том числе неправдоподобной краткостью текста “Катехизиса”, предшествующего “предмове”; произвольностью места расположения различных частей рукописных материалов В. Тяпинского в конволюте и т.д.

27. См.: Budny S., *O przedniejszych wiary christiańskiej artykulech*. Warszawa-Łódź, 1989. S.3,202; Ten że. *O Urzędzie miecza używajacem*. Warszawa, 1932. S. 22,231.

28. Не случайно архимандрит Иосиф, написавший первую обстоятельную работу о В. Тяпинском и его издании, считал В. Тяпинского православным, а его перевод православным полемическим сочинением. См.: Иосиф, архим. *Малороссийский перевод Четвероевангелия // Духовная беседа*. 1861. Т. 12. С. 362-368; Т. 13. С. 394-400.

29. См.: Лабынцаў Ю., *Пачатак Скарынам: Беларуская друкаваная літаратура эпохі Рэнесансу*. Мінск, 1990. С. 175.

30. См.: Budny S., *O przednieyszych...* S. 202.

31. Описание этих изданий см.: Лабынцев Ю. А., *Изданий Несвижской типографии...*

Любопытно также, что В. Тумаш даже считал, что в супрасльский конволют включен личный экземпляр В. Тяпинского. См.: Тумаш В., *Друкарня Цяпінскага: Да 400-годдзя дзейнасці // Записы*. 1975. Кн. 13. С. 71.

32. См.: Łabunczew J., Szczawińska Ł., *W mieście zwanym Zabłudowem...*; Лабынцев Ю. А., Щавинская Л. Л., *Православная Академия Ходкевичей...*

33. Л. 268 конволюта.

34. *Катехизис*. Несвиж, 1562. Л. 3об.

Такой авторитетный исследователь как украинский историк М.С. Грушевский, подчеркивавший белорусское происхождение В. Тяпинского, посвятивший изучению его деятельности множество работ, с сомнением писал, что на основе анализа “предмовы” В. Тяпинского можно считать протестантом. См.: Грушевський М. *З історії релігійної думки на Україні*. Львів, 1925. С. 55.

Jurij LABYNCEV (Moscou)

**L' "Evangile" "protestant" biélorusse
dans le composé du recueil orthodoxe
polémique de Ievstafij, archidiacre
supraslien**

Résumé

Les mouvements réformés dans le milieu des Slaves orientaux sont peu étudiés. Une des raisons cela est la base complexe du phénomène donné. L'exemple de la situation pareille est tous, lié avec de l'activité du gentilhomme biélorusse Vasilij Tiapinskij, qui publié à la moitié du XVI s. l'Evangile vieux slave-biélorusse, l'exemplaire de qui a été gardé dans le recueil d'archidiacre Ievstafij de monastère Supraslien. L'analyse du recueil dans le contexte de l'étude de la vie intérieure littéraire du couvent permet de faire une série d'importants observations, concernant du destin de Vasilij Tiapinskij lui-même, les matériels uniques, liés a son activité, ainsi que l'etat de la situation culturelle a divers associations confessionnelles dans le Grand duché Lithuanien á XVI siècle.